

# СОДЕРЖАНИЕ

## КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I. Два благородных помпеянина . . . . .	5
Глава II. Слепая цветочница и модная красавица. Признание афинянина. Читатель знакомится с египтянином Арбаком . . . . .	8
Глава III. Происхождение Главка. Описание домов в Помпеях. Классический пир . . . . .	20
Глава IV. Храм Исиды. Ее жрец. Характер Арбака . . . . .	38
Глава V. Снова о слепой цветочнице. Рождение любви . . . . .	47
Глава VI. Птицелов ловит птичку, которая едва не упорхнула, и расставляет силки для новой добычи . . . . .	56
Глава VII. Развлечения в Помпеях. Миниатюрное подобие римских терм . . . . .	69
Глава VIII. Арбак плутует и выигрывает . . . . .	79

## КНИГА ВТОРАЯ

Глава I. Помпейские трущобы и герои арены . . . . .	88
Глава II. Два достойных мужа . . . . .	96
Глава III. Главк делает покупку, которая дорого ему обойдется . . . . .	101
Глава IV. Бедная черепаха. Новые перемены в судьбе Нидии . . . . .	108
Глава V. Счастливая красавица и слепая рабыня . . . . .	114
Глава VI. Иона попадает в ловушку. Мышь пытается перегрызть сеть . . . . .	120
Глава VII. Египтянин в одиночестве разговаривает сам с собой. Его характер . . . . .	125
Глава VIII. Что произошло с Ионой в доме Арбака. Первое проявление гнева грозного врага . . . . .	135

## КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава I. Форум в Помпеях. Первое грубое орудие, с помощью которого создавалась новая эра . . . . .	146
Глава II. Община . . . . .	151
Глава III. Привратник, девушка и гладиатор . . . . .	156
Глава IV. Будуар помпейской красавицы. Важный разговор между Юлией и Нидией . . . . .	163
Глава V. Юлия находит Арбака. Результат их разговора .	170
Глава VI. Южная гроза. Пещера колдуньи . . . . .	176
Глава VII. Властитель Огненного пояса и его помощница. Судьба начертала пророчество огненными буквами, но кому суждено их прочесть? . . . .	187
Глава VIII. Дальнейший ход событий. Заговор зреет . . . .	195

## КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I. Размышления о религиозном пыле ранних христиан. Два человека принимают опасное решение. И стены имеют уши, особенно стены священные . . . . .	202
Глава II. Хозяин, повар и кухня . . . . .	205
Глава III. Прием и пир в Помпеях . . . . .	209
Глава IV. Приворотное зелье. Его действие . . . . .	224
Глава V. Различные действующие лица встречаются. Потоки, которые текли врозь, сливаются воедино. . . . .	229
Глава VI, из которой читатель узнает о дальнейшей судьбе Главка. Испытание дружбы. Вражда утихает, любовь тоже, потому что одна из любящих слепа . . . . .	240
Глава VII. Похороны у древних . . . . .	247
Глава VIII. Что случилось с Ионой . . . . .	252
Глава IX. Нидия притворяется колдуньей . . . . .	254
Глава X. Оса осмеливается залететь в паучьи тенета . . . .	258
Глава XI. Раб вопрошает оракула. Слепцов может обмануть слепая. Два новых узника за одну ночь . . . . .	263

Глава XII. Нидия разговаривает с Каленом . . . . .	269
Глава XIII. Нидия пробирается в сад. Удастся ли ей убежать и спасти афинянина? . . . . .	271
Глава XIV. Скорбь веселых друзей о человеческих несчастьях. Темница и ее жертвы . . . . .	275
Глава XV. Перемена в судьбе Главка . . . . .	280

## КНИГА ПЯТАЯ

Глава I. Сон Арбака. Неожиданная гостя предостерегает его . . . . .	295
Глава II. Амфитеатр. . . . .	300
Глава III. Саллюстий и письмо Нидии . . . . .	316
Глава IV. Снова амфитеатр . . . . .	318
Глава V. Главк выходит из темницы. . . . .	325
Глава VI. Кален и Бурдон. Диомед и Клодий. Женщина из амфитеатра и Юлия. . . . .	327
Глава VII. Разрушение продолжается . . . . .	331
Глава VIII. Арбак встречает Главка и Иону . . . . .	336
Глава IX. Отчаяние влюбленных. Бедствия жителей города . . . . .	339
Глава X. На другое утро. Судьба Нидии . . . . .	343
Последняя глава, которой все кончается. Письмо от Главка Саллюстию через десять лет после разрушения Помпей . . . . .	345

# КНИГА ПЕРВАЯ

## Глава I

### Два благородных помпеянина

— А, Диомед! Какая встреча! Ты будешь сегодня вечером на пиру у Главка? — сказал невысокий молодой человек в тунике, надетой с небрежным изяществом, на женский манер, как носили благородные прожигатели жизни.

— Увы, дорогой Клодий, он меня не пригласил, — ответил Диомед, полный и уже немолодой мужчина. — Клянись Поллуксом, это обидно! Говорят, он задает лучшие пиры в Помпеях.

— Да, у него славно, только, по мне, вина всегда мало. Какой же он эллин, если жалуется, что наутро у него с похмелья болит голова!

— Боюсь, что у него есть другая причина экономить, — сказал Диомед, поднимая брови. — При всем своем тщеславии и расточительности он, мне кажется, вовсе не так богат, как хочет казаться, и скорее бережет амфоры с вином, чем голову.

— Тем более надо пользоваться его щедростью, пока у него есть сестерции. А в будущем году, Диомед, найдется новый Главк.

— Говорят, он не прочь и в кости сыграть.

— Он не прочь доставить себе любое удовольствие, и, пока ему доставляет удовольствие давать пиры, мы его любим.

— Ха-ха-ха! Хорошо сказано, Клодий! Кстати, видел ты мои винные погреба?

— Как будто нет, друг мой Диомед.

— Непременно приходи как-нибудь ужинать. У меня в садке недурные мурены, и я познакомлю тебя с эдилем Пансой.

— Только, пожалуйста, без церемоний. «Персов роскошь мне ненавистна», я человек скромный. Но уже поздно; я иду в термы. А ты куда?

— К квестору — по общественным делам, а потом в храм Исиды. Прощай!

— Хвастун, бездельник, невежа! — пробормотал Клодий, ленивой походкой двигаясь дальше. — Думает, его пиры и винные погреба заставят нас забыть, что он сын вольноотпущенника! Ладно, мы так и сделаем, окажем ему честь, выигрывая у него деньги. Эта разбогатевшая чернь — золотое дно для нас, веселой знати!

С этими словами Клодий вышел на Домицианову улицу, запруженную колесницами и полную веселого, шумного оживления, какое в наши дни можно увидеть на улицах Неаполя.

Колокольчики быстро обгонявших друг друга экипажей весело и мелодично звенели, и Клодий то и дело кивал или улыбался знакомым, ехавшим в красивых, роскошных экипажах; ни один бездельник не был так известен в Помпеях, как он.

— А, Клодий! Как тебе спалось после вчерашнего выигрыша? — окликнул его звонким, приятным голосом молодой человек с самой красивой и элегантной колесницы.

Она была украшена бронзовыми рельефами в греческом духе — сценами Олимпийских игр; везли ее кони редчайших парфянских кровей; их стройные ноги, едва касаясь земли, словно неслись по воздуху, но одно прикосновение колесничего, который стоял позади молодого хозяина, и они остановились как вкопанные, будто вне-

запно обратились в камень — живые изваяния, подобные одному из животрепещущих чудес Праксителя.

Хозяин их был строен, красив и имел то правильное телосложение, которое некогда служило образцом для афинских скульпторов; светлые, спадающие густыми прядями волосы и совершенная гармония черт выдавали его греческое происхождение.

Он не носил тоги, которая во времена императоров перестала быть национальной римской одеждой и вызывала насмешки модников, а его туника была из лучшего тирского пурпура, и застежка, которая скрепляла ее на плече, сверкала изумрудами; на шее у него была золотая цепь, оканчивавшаяся на груди головой змеи; изо рта у змеи свисало большое кольцо с печатью тончайшей работы; широкие рукава туники были оторочены златотканной материей; пояс из той же материи с вытканными на нем причудливыми узорами заменял карманы, и за него были заткнуты носовой платок, кошелек, стиль и навошенные таблички.

— А, мой милый Главк! — приветствовал его Клодий. — Рад видеть, что проигрыш так мало тебя опечалил. Право, кажется, будто тебя одушевляет сам Аполлон: лицо твое так и светится счастьем. Можно подумать, что ты выиграл, а не проиграл.

— Не все ли равно — выиграть или проиграть эти презренные металлические кружки! Разве должно это влиять на наше настроение, любезный Клодий? Клянись Венерой, пока мы молоды и можем увенчать себя цветами, пока кифара ласкает нам слух и волнует нашу кровь, которая так быстро бежит по жилам, до тех пор будем мы наслаждаться солнечным теплом и светом и заставим само седое время быть лишь казначеем наших радостей. Не забудь же, сегодня вечером ты мой гость.

— Возможно ли забыть приглашение Главка!

— А куда ты теперь?

— Собираюсь зайти в термы; но еще целый час до открытия.

— Я отпущу колесницу и пройду с тобой. Ну, ну, Филий! — И он погладил одного из коней, который прижал уши и тихо заржал, отвечая на ласку. — Сегодня ты можешь отдохнуть. Не правда ли, он красив, Клодий?

— Достоин Аполлона или Главка, — отвечал благородный прихлебатель.

## Глава II

### Слепая цветочница и модная красавица. Признание афинянина. Читатель знакомится с египтянином Арбаком

Болтая о всякой всячине, молодые люди неторопливо шли по улицам. Они очутились теперь в квартале самых роскошных лавок, сверкавших внутри яркими, но гармоничными фресками, которые поражали своим разнообразием и прихотливостью.

Повсеместно, искрясь в солнечных лучах, били фонтаны, смягчая летний зной; всюду виднелись прохожие или, вернее, празднующиеся, почти все одетые в тирский пурпур; оживленные толпы собирались вокруг самых богатых лавок; сновали рабы, неся на головах бронзовые ведра самой изящной формы; у стен длинными рядами стояли молодые крестьянки с корзинами спелых плодов и цветов, пленявших древних итальянцев больше, нежели их потомков (для которых поистине *latet anguis in herba*<sup>\*</sup>, отравы таится в каждой фиалке и розе); часто попадались таверны, заменявшие праздным людям современные кафе и клубы. На мраморных полках рядами стояли сосуды с вином и маслом, а возле них были ложа, за-

---

<sup>\*</sup> В траве прячется змея (*лат.*).

щищенные от солнца тентами из пурпура и манившие усталого отдохнуть, а ленивого предаться безделью. Весь этот блеск и волнующее оживление оправдывали афинское пристрастие Главка к земным радостям.

— Не говори мне о Риме! — сказал он Клодию. — Наслаждения за его несокрушимыми стенами утомляют своей пышностью и великолепием; даже при императорском дворе, даже в Золотом доме Нерона и в блеске нового дворца Тита великолепие кажется скучным — глаз устает, душа изнывает; и, кроме того, любезный Клодий, видя чужую пышность и богатство, тяжело вспоминать оскудение своего отечества. Здесь же мы беззаботно предаемся наслаждению и пользуемся всеми преимуществами роскоши без утомительной пышности.

— Поэтому ты и избрал Помпеи для своего летнего дома?

— Да. Я предпочитаю их Байям. Слов нет, они очаровательны, но мне не по душе ученые педанты, которые приезжают туда и собирают жалкие крохи удовольствий.

— Но ведь ты любишь ученых. Я уж не говорю о поэзии — твой дом буквально дышит Эсхилом и Гомером, драмой и эпосом.

— Да, но римляне слишком слепо подражают моим афинским предкам. Даже на охоту рабы тащат за ними Платона, и, упустив кабана, они углубляются в книги и папирусы, чтобы не терять времени. Когда танцовщицы услаждают их персидским изяществом, какой-нибудь лоботряс из вольноотпущенников с каменным лицом читает им Цицеронови «Об обязанностях». О жалкие крохоборы! Наслаждение и познание нельзя смешивать, они несовместимы. Из-за этого педантизма римляне теряют все и доказывают равнодушие и к тому и к другому. Ах мой милый Клодий, как мало знают твои соотечественники истинную гибкость Перикла, истинное очарование Аспасии! На днях я посетил Плиния: он сидел в беседке и писал, а несчастный раб играл на флейте. Его племянник (ох, избавь меня от таких

философствующих шутов!) читал описание чумы из Фукидида и самодовольно кивал в такт музыке, тогда как его губы произносили омерзительные подробности этого ужасного описания. Этому щенку не претило одновременно слушать любовную песню и читать описание чумы.

— Да ведь любовь и чума — это почти одно и то же, — заметил Клодий.

— Я так и сказал ему, чтобы как-то оправдать его шутство, но юнец не понял иронии и с укоризненным видом ответил, что музыка ласкает лишь ухо, тогда как книга (заметь, описание чумы!) возвышает сердце. «Ах! — прохрипел его толстый дядюшка, отдуваясь, — мой мальчик истый афинянин, он всегда сочетает приятное с полезным». О Минерва, я едва удержался от смеха! А потом этот желторотый софист получил при мне известие о смерти своего любимца вольноотпущенника. «Неумолимая смерть! — вскричал он. — Раб, дай мне томик Горация. Этот дивный поэт прекрасно утешает нас в подобных несчастьях!» Ну скажи сам, любезный Клодий, способны ли эти люди любить? Даже рассудочная любовь едва ли им доступна. А как редко у римлянина бывает сердце! Он — только хитро устроенная машина, а не существо из плоти и крови.

Хотя Клодий втайне был уязвлен этими словами в адрес своего соотечественника, он притворился, будто сочувствует Главку, отчасти потому, что он по натуре был прихлебателем, отчасти потому, что среди беспутных молодых римлян принято было относиться с некоторым презрением к колыбели собственной славы; в моде было подражать грекам и в то же время смеяться над своей неловкостью в подражании.

Беседа, они остановились перед толпой, которая собралась посреди площади, на пересечении трех улиц. В тени портиков красивого и легкого храма стояла девушка; на правой руке у нее висела корзинка с цветами, в левой был маленький трехструнный музыкальный инструмент, под тихий и нежный аккомпанемент которого

она пела какую-то странную, почти варварскую песню. После каждого куплета она грациозно покачивала корзинкой, предлагая слушателям купить цветов, и сестерции сыпались к ней в корзину — то ли в похвалу пению, то ли из сочувствия к певице, потому что она была слепа.

— Я знаю эту бедняжку, она из Фессалии, — сказал Главк. — Я еще не видел ее после возвращения в Помпеи. Давай послушаем.

Люди, купите цветы!  
Я слепая, издалёка родом.  
На земле и пыль — сестра красоты,  
А цветы на ней — пестрым хороводом.  
Цветы хранят земной аромат,  
В них голубая роса, как на золотом блюде.  
Я срезала их час тому назад.  
Купите мои цветы, люди!  
Час назад, всего лишь час!  
И светило солнце, и, может, летали пчелы...  
Люди, я срезала их для вас —  
И легкий лист, и бутон тяжелый.  
Ваш мир — клубок солнечных дорог.  
Там растут деревья с зелеными волосами.  
Если бы кто-нибудь в мире мог  
Заглянуть во тьму перед моими глазами!..  
Я хочу видеть тех, кого люблю,  
Навстречу шагам их я протягиваю руки —  
И только звук бездонный ловлю.  
Мир вокруг меня — звуки!  
Купите, купите цветы!  
Не хотят они, чтоб ими владела  
Ночи дочь, исчадь темноты,  
И до моей боли нет им дела.  
Мне ли, незрячей, их краса?  
Пусть на них смотрят зоркие глаза.  
Зеленые стрелы, оранжевые нити...  
Купите цветы, купите!\*

---

\* Здесь и далее перевод стихов Д. Маркиша. (Примеч. ред.)